

© 1994 г. КУЗНЕЦОВ П.И.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЮРКСКИХ ПАДЕЖНЫХ АФФИКСОВ

В этой статье будут рассмотрены этимологии пяти известных аффиксов тюркских языков – родительного, дательного (направительного), винительного, местного и исходного падежей. Попутно должно быть выяснено происхождение слитного деепричастия (на -у, -ы, -а) и аффф. -ки, -кы.

Исследованием генезиса падежных аффиксов занимались многие тюркологи. Здесь, как и в других случаях, столкнулись принципиально разные взгляды на пути образования морфологической системы тюркских языков, а также на цели и перспективы морфоэтимологической работы. А.Н. Кононов считал, что "тюркские прилепы-аффиксы, обслуживающие слово-формообразование, в массе своей обязаны своим происхождением... фу з и и – слиянию в единый формант двух и нескольких однофонемных аффиксальных морфем, происхождение которых теряется во мгле тысячелетий" [1, с. 39] (см. также [2, с. 116]). В числе примеров "агглютинативной флексии" А.Н. Кононов приводил и такой: -ка, -ге < -к + -а (два аффикса дательно-направительного падежа) [3, с. 8; 4, с. 153]¹.

По мнению же А.М. Щербака, наоборот, "ничто, кроме внешнего сходства, не дает повода рассматривать ... аффикс дательного падежа -ка – как сочетание аффиксов -к и -а, аффикс исходного падежа -дап – как сочетание аффиксов -да и -п и т.п." [6, с. 36].

Кто был прав в этой дискуссии? Общие соображения, безусловно, говорят в пользу взгляда А.М. Щербака. Если почти каждый односложный формант представлял собой объединение однофонемных морфем, то получается, что общее число морфем было в прошлом много большим, нежели в современных языках, а это маловероятно.

Переходя к показателям дат. падежа, обратим внимание на то, что вариант -ка (сложный и, следовательно, "новый", по мнению сторонников фузионной теории) характерен в первую очередь для текстов рунических и других памятников, т.е. для с т а р ы х текстов, тогда как якобы "старая" морфема -к не обнаруживается ни в одном тюркском языке, включая древние, кроме туркменского (см. [7]), да и вариант -а, широко употребительный во многих современных тюркских языках, почти не представлен в древних. В таком случае естественно предположить, что древним формантом дательного падежа является аффф. -ка, который в более позднее время во многих тюркских языках обнаружил тенденцию к упрощению (что, кстати говоря, характерно для большинства аффиксов): -ка > 1) -к(а) > -к или 2) -ка ~ -а > -(е)а > -а/(-й)а.

По утверждению А.Н. Кононова, "... широко распространенное мнение, что все агглютинативные форманты восходят к самостоятельным словам, есть заблуждение, направившее тюркологов по ложному пути" [4, с. 82]. Действительно, многие тюркологи (Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, В.Д. Аракин, А.М. Щербак и др.) не скрывали своей приверженности т е о р и и а г г л ю т и н а ц и и (см. [8, с. 335]), однако последовательно названным путем никто не шел и удостовериться в его "ложности" (или истинности) не представлялось возможным. Поэтому накладывать "вето" на теорию агглютинации явно преждевременно. Если эта теория неверна, то поиски

¹ Ср. еще: -да, -та < -t/d + -a/d [4, с. 157; 5, с. 123].

этимона той или иной морфемы будут сплошь и рядом сопряжены с непреодолимыми трудностями – ведь возможности словаря отнюдь не безграничны. Если же этого не случится, придется, видимо, заключить, что в основе теории агглютинации лежат верные посылки.

После этих предварительных замечаний обратимся к рассмотрению происхождения отдельных падежных аффиксов.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ АФФИКСА РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Одна из предложенных тюркологами этимологий аффикса род. падежа могла бы считаться бесспорной, если бы этому не препятствовало отсутствие единства взглядов по очень существенному вопросу: какой из двух основных вариантов род. падежа – "кыпчакского типа" (-*ның*, -*ниң*...) или "огузского типа" (-*ың*, -*иң*...) – является исторически первичным, иначе говоря – первичен или вторичен начальный *н* афф. -*ның*, -*ниң*? (Тюркологи вряд ли обоснованно рассматривают вкуче вопрос о начальном *н* аффикса винительного падежа.)

Позиции исследователей по данной проблеме четко изложены и проанализированы А.Н. Кононовым [9, с. 95–96] и А.М. Щербаком [10, с. 31–34]. Последний справедливо оспаривает аргументацию О. Бётлингга и В.В. Радлова в пользу взгляда о вторичности начального *н* в аффиксе род. падежа [10, с. 31–33]. В этой связи не совсем понятен категорический вывод автора: "Сопоставление различных точек зрения и анализ фактов... не оставляют сомнений в том, что начальный *н* в аффиксах родительного и винительного падежей вторичен" [10, 32–33]. По его мнению, в истории тюркских языков существовала такая ситуация, когда притяжательное склонение играло более важную роль, чем простое, причем особое положение притяжательной парадигмы способствовало "проникновению" *н* в падежные формы простого (непритяжательного) склонения. Что касается фактов, свидетельствующих в пользу предложенного толкования, то они по существу ограничиваются отдельными случаями употребления формы основного падежа с аффиксом принадлежности 3 л. в значении простой (непритяжательной) формы, например: гаг. *бурну* "нос" (вм. *бурун*), хак. *ахсі* "рот" (вм. *ахіс*) и т.п. [10, с. 34].

Оценивая гипотезу А.М. Щербака, следует сказать, что приводимые им факты разрознены, единичны², а с другой стороны, не носят ареального характера, тогда как гипотетическое присоединение *н* к аффиксу род. падежа (слева) – явление как раз ареальное, коль скоро распространяется на кыпчакские языки и не касается огузских (юго-западнотюркских), ср. тур. род. *kitab-in* "книги" (а не: *kitab-nın*), *duvar-in* "стены" (а не: *duvar-nın*) и т.д. Если все же допустить, что исторически в ряде языков имел место процесс: -*н* (< афф. принадл. 3 лица -*ын*) + -*ың* (афф. род. п.) > -*н ың* (афф. род. п.), то опять-таки неясно, почему этот процесс, коснувшись род. и вин. падежей, на распространился, например, на дательный – ни в одном языке в составе именной парадигмы не возникло форм типа *-*нка* (< *-*н* + -*ка*) или -*на* (< *-*н* + -*а*), *-*сынка* (такая форма могла бы ожидаться после конечного гласного основы) (см. табл. 1–4 в [12]). Наконец, рассматривая вопрос в чисто фонетическом аспекте, следует признать, что присоединение к основе с конечным согласным "добавочного" согласного звука, т.е. эпентеза, носит в тюркских языках характер эпизодического явления, тогда как падение начального согласного в аффиксе, присоединяемом к согласной же основе – для преодоления стечения двух согласных, – относится к числу широко распространенных фонетических явлений, особенно в юго-западном ареале (ср. хотя бы дат. падеж: *эр-е* "мужчине" < *эр-ке*). Сказанное позволяет предположить, что аналогичный "упрощающий" процесс коснулся в свое время и аффикса род. падежа в

² Они распространяются более всего на названия некоторых частей тела (ср. [11, с. 124 сл.]) в отдельных языках.

языках огузского типа [эр-ниң > эр-(н)иң > эр-иң "мужчины"], т.е. согласный *н* в составе аффикса генитива является первичным, как это предположили Р.Б. Шоу [13, с. 260], К. Грэнбек [14, с. 107] и некоторые другие авторы.

Если их предположение верно – а ничто ему в сущности не противоречит, – то, несомненно, верна и этимология аффикса род. падежа, предложенная, правда, впервые не Грэнбеком, как это принято считать (см. [9, с. 95, 96; 10, с. 32]), а Р.Б. Шоу, который возводил афф. *-ning*, *-ning* к существительному *neng* "вещь; собственность"; ср. его пример: *beg neng äti* "лошадь бея" (т.е. лошадь [являющаяся] собственностью бея) [13, с. 260]. В дальнейшем сходные этимологии предложили Грэнбек и Н.А. Баскаков [15, с. 135]. Упомянул словечко *ning* и В. Шотт, но он считал эту "постпозитивную частицу", как и монг. *ningge*, выразителем отношений места ("из..." и т.п.), откуда затем возникло и значение генитива [16, с. 51–54]. А.Н. Кононов отрицательно отнесся к идее *-ниң < нең* "предмет, вещь", считая, что предположения Грэнбека и Баскакова "не объясняют механизма превращения самостоятельного слова в формант с таким специфическим значением, как выражение принадлежности" [9, с. 96]. Одного существенного уточнения этимология Шоу – Баскакова (тем более – осторожное предположение Грэнбека) действительно требует.

Известно, что имя в род. падеже может занимать в тюркском предложении две основные синтаксические позиции: 1) определения (ср. тур.: *er-in evi* "дом мужчины") и 2) сказуемого [*bu ev er-in(dir)* "этот дом – мужчины, принадлежит мужчине"]. Значение субъекта принадлежности в составе определительной группы (ср. "дом муж ч и н ы") легко могло быть передано и без помощи род. падежа. Как показали исследования, в древних памятниках на месте современного двухаффиксного изафета (*er-in ev-i*) чаще использовался одноаффиксный (типа: *эр эб-и*), а в еще более отдаленный период времени идея притяжательности должна была передаваться вообще аморфологически, чисто позиционными средствами (определение предшествует определяемому: **эр эб* "дом мужчины") [17, с. 87; 18, с. 23] – в соответствии с принципами простоты (более простое предшествует в развитии более сложному) и социальной значимости (более значимое получает языковое выражение ранее менее значимого³).

В позиции сказуемого имя с притяжательным значением используется довольно редко; с другой стороны, здесь трудно (а то и невозможно) обойтись без помощи морфологии. Например, поменяв местами имена *эр* и *эб* приведенного выше словосочетания (**эр эб* → **эб эр*), едва ли можно передать значение "дом – мужчины (принадлежит мужчине)". Именно в этом случае род. падеж действительно необходим. Можно думать, что вначале названная мысль передавалась следующим образом: *(*бу*) *эб эр нең (ол)* "(этот) дом – мужчины вещь", где **эр нең* "вещь (собственность) мужчины" – словосочетание того же типа, что и другие притяжательные двучлены доморфологической эпохи (ср. выше: **эр эб* "дом мужчины"). В дальнейшем оставалось лишь придать слову *нең* значение и "форму" родительно-притяжательного падежа (в названной синтаксической позиции), чему не могло быть никаких препятствий: *(*бу*) *эб эр нең (ол)* "(этот) дом – вещь мужчины" → (*бу*) *эб эр-ниң (ол)* "этот дом – мужчины". Терапевтическая смена гласного (*э > и*) – хотя известен вариант и с широким гласным *-(н)äң*) [19, с. 659] – вела к обособлению аффикса от имени (*нең*), которое было по-прежнему употребительно. Падение в ряде языков начального *н* аффикса на первом этапе, видимо, касалось только имен с ауслаутным *н*, в частности местоимений (*сен-иң* "твой" < **сен-ниң* и т.п.).

Следует думать, что с приведенным уточнением, которое как раз "объясняет

³ В данном случае значение притяжательности (ср. *лошадь бея*, *дом мужчины*), несомненно, более "весомо", чем значение относительного определения (типа: *домашнее животное*, *мужское занятие* и т.п.).

механизм превращения самостоятельного слова в формант" род. падежа, этимология Р. Шоу не может вызывать каких-либо возражений. Отметим попутно, что в несингармонических языках, в частности в узбекском, аффикс родительного падежа имеет единственный фонетический вариант, полностью согласующийся с упомянутой этимологией: -нинг [20, с. 91].

2. ЭТИМОЛОГИЯ АФФИКСА ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА И ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА -У/-Ы/-А

В современных языках аффикс дат. (или дательно-направительного) падежа представлен в двух основных разновидностях: огузской (варианты -а/йа) и уйгурско-кыпчакско-карлукской (варианты -га, -а/-ка). В древнетюркском языке зафиксирован также аффикс направительного падежа -*гару*~-*кару*. Выше упомянута точка зрения, согласно которой вариант -*га/ка* представляет собой слияние двух формантов дат. падежа: -*к/-г* + -*а*; если же включить в этот ряд и афф. -*ру*, -*ры*, -*ра*, также имеющий направительное значение, то приходится говорить уже о трех однозначных аффиксах (которые из которых к тому же могут встречаться в одном слове дважды, например: *дышарьа* "наружу" < *дыш*-(*к*)-*а-ры*+-*а* - пять аффиксов дат. падежа!). Более приемлем тот взгляд, что "аффикс -*ба*-*ка* должен рассматриваться не как компонент аффикса -*бару* ~ -*кару*, а как формально преобразованная разновидность его, хронологически более поздняя, чем все другие разновидности, кроме -*а* (*бару* > -*бар* > -*ба* > -*а*)" [10, с. 49].

Какое же слово могло лечь в основу названного аффикса (-*кару*/-*гару*)? А.М. Щербак и некоторые другие тюркологи полагают, что направительный-дательный падеж мог развиться из слова со значением "рука > сторона" [6, с. 39; 10, с. 48-49]. Но такого слова (с требуемым набором фонем) в тюркских языках нет. А.З. Абдуллаев [21, с. 59-62] считает, что аффикс дат. (направительного) падежа восходит к слову *гары*. Однако это допущение кажется сомнительным по следующим соображениям: 1) в древнетюркском языке существительное *қары* употреблялось в значениях "локтевая часть руки; локоть, аршин" [19, с. 426], ныне оно употребляется в тех же значениях (киргизский, каракалпакский языки) или, например, в значении "передняя конечность животного" (туркменский язык), но ни в одном языке не получило, по видимому, значения "рука (кисть руки)", хотя именно это значение имеет в виду гипотеза А.З. Абдуллаева; 2) слово *қары* (или *гары*) нельзя считать общетюркским (тогда как аффикс направит. падежа представлен во всех тюркских языках!); 3) существительное *қары/гары* не содержит губного гласного; между тем в древнейших вариантах аффикса направит. падежа - *-qaru*, -*kärü* [19, с. 653] - губной гласный обязателен. Наконец, в-четвертых, семантическое обоснование гипотезы («Видимо, древнейшие тюрки (при свете) на направление указывали рукой, и в речи самого слова "рука" не употребляли. Когда же слушающему невозможно было видеть руку говорящего (в лесу, в темноте...), тогда он... вынужден был добавить к словам со значением места первоначально слово "рука" - *гару*» [21, с. 62]) не выглядит убедительным. Вряд ли указание на направление рукой (в условиях повседневного общения, когда все окружающие объекты - дом, колодец, река, лес и т.д. - хорошо известны говорящим) могло быть обязательным; к тому же рука может обозначать не только направление движения, но и местонахождение предмета ("вон там"). В такой ситуации вероятность однозначной трактовки этого существительного как именно указателя направления - по типу "он гора рука идет", точнее "гора локоть идет" (= он идет в гору) - не велика. Этимон должен четче передавать ту идею, которая позже будет названа з а ч е н и е м аффикса.

В связи с этим представляется нелишним отметить, что отношения субъекта (производителя) действия и объекта, выраженного дат. падежом, отражают в тюркских языках следующие основные моменты, характерные для уровня объек-

тивной реальности: 1) производитель действия обращен лицом (иногда – мысленным взором) к объекту; 2) между производителем действия и объектом имеется определенное расстояние; 3) совершая действие, субъект полностью или частично преодолевает это расстояние, чем и ограничивает свое воздействие на объект. Все эти моменты точно отражает сочетание двух действий – действия *смотреть* или *видеть*, которое "нацеливает" действителя на объект, и основного действия, благодаря которому преодолевается расстояние между субъектом и объектом, например: *идти, бежать* (куда-л.), *кричать* (кому-л.), *бросать, посылать, относить* (что-л. кому-л.) и т.д. Точнее же говоря, данная выше характеристика стала возможна как раз потому, что сам дат. (направительный) падеж, как можно предполагать, возник из сочетания имени с двумя глаголами, первым из которых был глагол *видеть* или *смотреть*. Действительно, фразы типа *гора смотри (и) иди, ребенок смотри (и) улыбаясь* должны быть интерпретированы однозначно: "иди к горе", "улыбнись ребенку".

Мысль о том, что аффикс дательно-направительного падежа восходит к глаголу со значением "смотреть", впервые высказал, кажется, К. Каримов, который, между прочим, обратил внимание на то, что даже в современном (узбекском) языке глагол *кара-* "смотреть" может употребляться как синоним дат. падежа: *шаҳарга кетди – шаҳар қараб кетди* [22, с. 76]. Таким образом, идея К. Каримова, несомненно, правильна и "обжалованию не подлежит".

Правда, конкретная реализация этой идеи в диссертации К. Каримова может быть оспорена в двух отношениях. Автор диссертации полагает, что дат. падеж восходит к деепричастной форме глагола *қара-* "смотреть". При этом он намечает следующие этапы становления формы этого падежа: *қара > қара-у > қарайу > қарийу > > қариу > қару*. Далее – *қар*(е-ар, гар) и после отпадения конечного *р-қа, -ға, -ка* [22, с. 77].

Для того чтобы дат. падеж мог быть образован от деепричастной формы какого-либо глагола, необходимо, чтобы в языке, где нет еще падежных форм (в частности формы дат. падежа), у же существовали деепричастия. Но дат. падеж выражает столь значительную идею (движение к объекту, действие, нацеленное на объект), что должен был если не возникнуть, то хотя бы находиться в процессе становления на весьма ранней ступени развития тюркского праязыка – безусловно, раньше, чем появилось любое из деепричастий.

Второе возражение касается глагола. Морфема дат. падежа относится к числу общетюркских, но этого нельзя сказать о глаголе *қара-*, который не представлен в языках как юго-западной группы (в частности, в турецком), так и северо-восточной. Поэтому следует полагать, что в образовании формы дат. падежа участвовал общетюркский глагол *көр* "видеть; смотреть". Впрочем, не исключено, что глагол *қара-* представляет собой один из производных вариантов глагола *көр-* и в этом качестве соучаствовал в образовании аффикса дательно-направительного падежа в карлукских и кыпчакских языках.

Как можно представить себе появление формы дат. падежа? Следует полагать, что глагол *көр* начал употребляться как полувспомогательный (для обозначения направления движения) еще в ту эпоху, когда собственно морфологических форм еще не было (поэтому мы *көр* даем без дефиса), и глагольный корень, исходя из принципа социальной значимости, имел значения двух наклонений: 1) повелительного и 2) изъявительного. Таким образом, предложения типа *та: көр бар (кет)* или *эб көр бар* могли означать 1) "иди к горе", "иди к дому" (точнее: "гору (дом) видь (и) иди" – *көр* в такого рода сочетаниях воспринимался еще, безусловно, как глагол, а не как некий абстрактный формант), 2) (с предшествующим существительным или местоимением, например: *эр, киши, ол* и т.п.) "человек (он) идет к горе (к дому)".

На следующем существенном для нашего анализа этапе развития тюркского

праязыка в нем появляются первые формы изъявительного наклонения, в частности – форма настоящего времени ("аориста") на *-(й)ур*, восходящая к глаголу *йүр* – "ходить, шагать" ([23]; ср. [24]). Теперь фраза *таҭ көр бар* означает уже только "гору видь (и) иди" (= "иди к горе"), а мысль "мужчина идет к горе" передается через **эр таҭ кор-ур* (< **көр-йүр*) *бар-ур* (< *бар-йүр*) "...гору видит (и) идет".

Так как необходимость передачи идеи целенаправленного движения в общении людей возникает очень часто, глагол *көр-үр* как полувспомогательный, модифицирующий, не выражающий основного содержания мысли, начинает восприниматься именно в этом своем качестве и в связи с этим оказывается предрасположенным к апокопе – его конечный гласный постепенно элиминируется: **эр таҭ (эб) көрур барур → көрү (р) барур. ... → көрү барур*.

Форма *көрү* в сочетании с последующим глаголом (в форме наст. времени) осознается говорящими как форма выражения побочного, вспомогательного действия. А поскольку глагол *көр* – является, по-видимому, с а м ы м у п о т р е б и т е л ь н ы м, но, разумеется, не е д и н с т в е н н ы м глаголом, который может занимать позицию перед другим глаголом, выражая побочное, второстепенное по значению действие, то и другие глаголы, играющие в данной синтаксической позиции сходную, т.е. подчиненную, роль, со временем получают ту же форму, которую уже имеет в этой позиции глагол *көр* – (т.е. *кө - рү*). Так возникают формы типа *кылу* "делает/делая" (< *кыл-ур*), *өлү* "умирает/умирая" (< *өл-үр*), *ача* "открывает/открывая" (< *ач-ар*), *уча* "улетает/улетая" (< *уч-ар*) и т.д., которые интерпретируются сначала как подчиненные, вторичные предикаты, а позже – как деепричастия. Авторы "Грамматики алтайского языка" очень удачно назвали деепричастие этого типа с л и т н ы м [25, с. 179]. Семантика этого деепричастия "тесно связана с семантикой основного глагола, которому слитное деепричастие всегда предшествует" [26, с. 47]. Первоначально деепричастие на *-у/а*, по-видимому, предшествовало только глаголу в форме наст. времени [на *-(й)ур / -ар*], к которой оно (в результате процесса, начавшегося с глагола *көр*: *көр-үр → көр-ү*) и восходит. Позже, обособившись, оно вышло из зоны притяжения этой глагольной формы, так что в орхон-енисейских памятниках могло уже предшествовать практически любой финитной форме.

Соотнесенность между слитным деепричастием и формой наст. времени в древнетюркском языке подчеркивает существующая между ними тесная связь в приемах огласовки (*кылу*р – *кылу*, *учар* – *уча* и т.п. – см. выше), что уже отмечалось в тюркологических работах [27, с. 229], хотя и не было должным образом оценено. Впрочем, еще Абу-Хайян фактически прояснил происхождение деепричастной формы, которая, согласно его формулировке, представляет собой присоединяемый к повелительному наклонению (т.е. к корню глагола. – К.П.) элиф (т.е. *-а* или *-е* – К.П.), если форма настоящего времени фатхована (содержит гласные *а* или *е*. – К.П.), или вав (т.е. *-у* или *-ү*. – К.П.), если та же форма огласована даммой. Примеры: *külür* "он смеется" – *külä* "смеясь", *kälür* "он идет" – *käli* "приходя" [28, с. 168; 29, с. 245].

Деепричастие на *-а/-е* Н.А. Баскаков соотносит "с причастием желательной формы будущего времени на $\frac{-гъай}{-гей}$, $\frac{-къай}{.кей}$, а также с повелительно-желательной формой на $\frac{-ай}{-ей}$, $-й$ и с формой причастия будущего времени на $\frac{-ар}{-ер}$, $-р$ " [30, с. 464, 465], А.Н. Кононов возводит его также к причастию на *-ар* [20, с. 240]. С нашей точки зрения, предпочтительнее говорить о финитной форме *[-(й)ур, -ар]*, к которой возводится и упомянутое причастие, и слитное деепричастие. (Показательно, что Абу-Хайян, как, впрочем, и Махмуд Кашгари, вообще не упоминает о функции причастия, говоря о форме на *-ур, -ар*.) По мнению А.М. Щербака, слитное

деепричастие – "функциональная разновидность древнего имени действия, послужившего основой для глагольных форм с разным содержанием" [31, с. 125]. Этот взгляд является традиционным в тюркологии, однако существует и иная точка зрения [32]. Становление таких морфологических классов, как имена действия (а также причастия, деепричастия и т.п.), ранее класса финитных форм противоречило бы принципам простоты и социальной значимости.

"Размежевание" между формой наст. времени и слитным деепричастием могло, скорее всего, начаться с упоминавшейся уже формы *кѳр-ў* (от глагола *видеть*), поскольку идея направительности (> дат. падежа) должна была передаваться этой формой и в том случае, когда речь шла о прошлом, например: **таѳ кѳр-ў бар-ды* (*бар-туқ*) "пошел к горе" (букв. гору видя пошел). В современных языках упомянутое размежевание зашло настолько далеко, что деепричастие на *-al-e* (утратившее варианты с губными гласными) может скорее подозреваться в "родственных отношениях" с желательным наклонением на *-al-e* (к которому, по всей вероятности, не имеет никакого отношения), чем с формой аориста.

Возвращаясь к образованию формы дат. падежа на базе глагола *кѳр-* "видеть", отметим однотипные фонетические процессы, которым должен был подвергнуться названный глагол (утрачивавший признаки глагольности) как в повествовательных, так и в повелительных предложениях: 1) (повествовательное предложение) **ѳб кѳрў барур* (*кетер*) букв. "дом видя идет" → *ѳб-кѳрў барур* → *ѳб-ке⁴-рў барур* "идет к дому (в дом)"; *таз-кѳрў барур* букв. "гору видя идет" → *таз-кѳрў барур* → *таз-кору барур* → *таз-қ⁴а ру барур* "идет к горе"; 2) (повелительное предложение) **ѳб кѳр бар* (*кет*) букв. "дом видя (и) иди" → *ѳб-кѳр бар* → *ѳб-ке⁴р бар* → *ѳб-ке(р) бар* → *ѳб-ке бар* "иди к дому (в дом)"; **таз-кѳр бар* букв. "гору видя (и) иди" → *таз-кѳр бар* → *таз-қор бар* → *таз-қ⁴а^р бар* → *таз-қ⁴а(р) бар* → *таз-қ⁴а бар* "иди к горе (на гору)" (прогрессивная палатально-лабиальная аттракция в системе: корень – аффикс, с последующим отпадением конечного согласного аффикса).

В результате этих процессов возникают две формы направительного падежа – *-керў*, *қару* (в предложениях со сказуемым в изъявительном наклонении) и *-ке*, *-қа* (в повелительных предложениях). Но поскольку эти формы уже утратили связь с глаголом *кѳр-* и с системой глагола вообще, они начинают употребляться как синонимы в предложениях любого типа⁵, и лишь постепенно форма *-ке/қа* как более короткая и, тем самым, более "экономичная" вытесняет форму *-керў*, *қару* из речевого обихода. Что же касается фонетических процессов, то они продолжались в обеих разновидностях формы дат. падежа: *қа* → *ѳа* → *-al/ya*; *қар-у* → *-қар* → *-ар* или *-қар-у* → *-қар-а* → *-(қ⁴а)ра* → *-ра*. Так, по-видимому, возникают формы типа *аңар* (< *ан-кар*) "ему" (и по аналогии *маңар* "мне", *саңар* "тебе") или *баш-ра*, *кѳз-рй* (ср. [10, с. 43]).

Таким образом, нельзя утверждать, что форма направительного (дательного) падежа восходит к деепричастию от глагола *кѳр-* (с меньшей вероятностью – *қара-*): *кѳр-ў* (или *қара-йу*). Можно полагать, что сама сложная единица *кѳр-ў* (настоящее время *кѳр-ўр* с апокопированным конечным согласным), однажды возникнув, послужила моделью для образования сначала формы зависимого предиката, а позже – деепричастия. Этимомом же аффикса дательно-направительного падежа является слово-корень *кѳр* (в императивном или индикативном значении).

⁴ Оказавшись во втором слоге, гласные *о*, *о* должны были смениться в большинстве языков широкими негубными *е*, *а*.

⁵ Однако можно предположить, что к имени, управляемому глаголом в форме 2 л. ед. числа повелит. наклонения [в прозаической речи и за вычетом слов типа *ичери* (< *ич-кери*) "внутри", *дышары* "наружу" и т.п.], преимущественно присоединялась краткая форма аффикса (*-қ⁴а*, *-ѳа*, *-ке*, *-ге*).

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ АФФИКСА ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Несмотря на большое внимание, уделяемое тюркологами винительному падежу и соотношению различных его вариантов, о генезисе этой падежной формы до настоящего времени сказано очень мало. Можно отметить лишь гипотезу Р. Шоу, возводившего аффикс винительного падежа к местоимению *ни* "тот, что", — ср. один из его примеров: *ât-ni mindi* "лошадь ту, что (*that-which*) он ехал" (собств. "он сел на лошадь". — К.П.) [13, с. 260] — да, пожалуй, еще точку зрения А. Кастрена (1857) и С.В. Ястремского (1898), поддержанную Э.В. Севортьяном (1948) и А.Н. Кононовым, относительно того, что " $\text{-(}g(v) < \eta \approx \text{афф. род.} \cdot \text{п.}$ " [9, с. 96]. Действительно, фонемный состав обеих падежных форм дает основания для такого сближения⁶, однако функции родительного и винительного падежей все же слишком различны, чтобы можно было принять на веру данную гипотезу, не требуя от ее сторонников конкретизации поэтапных семантических сдвигов, долженствующих иметь место при переходе от значений родительного падежа (возникшего, кстати говоря, довольно поздно!) к значениям аккумулятива.

Если же не обольщаться фонетической близостью двух падежных форм, а сделать упор на их семантику, то применительно к винительному падежу будет достаточно очевидно его возникновение из какого-то служебного слова с примерным значением *вот он* или *вот его*: "я беру лук, *вот он*" или "я вижу ребенка, (*вот*) его", причем это служебное слово, коль скоро оно всегда присоединялось к имени — прямому дополнению, вполне естественно трансформировалось впоследствии в показатель вин. падежа с дополнительным значением определенности объекта (К род. падежу все это не имеет никакого касательства).

Конечно, зная, что значения *тот* и *он* передаются в тюркских языках местоимением *ол* (позже также *о*) и что слово *аны* (а на более древних стадиях, по-видимому, **ань* и **аны* κ) является каким-то супплетивным образованием, можно предположить, что с самого начала это *аны* имело значение "(вот) его", "(вот) ее", т.е. значение прямого дополнения от местоимения *ол*. Но поскольку другие падежные формы этого местоимения образуются от той же незавидительствованной в чистом виде основы **ан*-[*ан-ык* "его" (род.п.), *ан-а* "ему" и т.д.], обособление формы вин. падежа от других падежных форм выглядело бы неубедительно.

Приходится исходить все-таки из **ан* "он" и как-то объяснять аффиксальное наращение $-(y) < *-(y) < *-(y) \kappa$. Возведение словоформы *ан-ык* к **ан-ык* неизбежно, так как тюркская фонема κ является более древней, чем g и ее аллофон z [35, с. 261–62; 36, с. 48].

Если *ан* было некогда местоименной основой, то элемент *ык*, очевидно, восходит к самостоятельному слову. Следует предполагать, что этим словом была существовавшая в древнетюркском языке частица *оқ*, или *ök* [37, с. 404, 406; 19, с. 369, 382], имевшая в числе других и ограничительное значение: "именно". Отсюда **ан оқ* "именно он", "вот он" (ср. *bän ök* "именно я" [37, с. 64]). Поскольку основа **ан* довольно рано вышла из самостоятельного употребления, словосочетание **ан оқ* стало восприниматься как лексическая единица (**аноқ*), выступающая в служебной роли "уточнителя" прямого дополнения. Гласный *о*, попав во второй слог, трансформировался в у

⁶ Ср. единую форму этих двух падежей в кумыкском, карачаево-балкарском и некоторых других языках (см. [33, с. 93]); см. также [34, с. 176 сл.], где говорится о возникновении сложного по своим функциям единого определительно-винительного падежа в ряде говоров узбекского языка. Впрочем, здесь скорее следует видеть все-таки совмещение функций двух падежей в рамках одной формы — явление, достаточно распространенное во многих языках.

(**анок* → *анук*⁷), а этот последний, уподобляясь негубному гласному первого слога, в свою очередь превратился в узкий негубной *ы* (**анык* → **ан к*). Ослабление конечного *k* привело к возникновению словоформы **аныг* [с тем же значением "именно он (его)"], которая и превратилась позже в аффикс *(вин. падежа), что можно проиллюстрировать следующей "условной реконструкцией": **бен эр аныг көртүк* "я увидел мужчину" [определенного, "вот его"; досл. "я мужчина именно-он (именно-его) увидел"] → ... *эр-аныг* ... → 1) **эр(а)ныг* → **эр-ныг* → **эр-ниг* → *эр-ни(г)* → *эр-ни*. или 2) **эр-(ан)ыг* → **эр-ыг* → *эр-иг* → *эр-и (г)* → *эр-и*.

Следует полагать, что обоснование предложенной здесь этимологии (по крайней мере, в семантическом отношении) не вызовет принципиальных возражений.

4. ЭТИМОЛОГИЯ АФФИКСА МЕСТНОГО ПАДЕЖА И АФФИКСА -КИ, -КЫ

Гипотезы относительно происхождения аффикса местн. падежа выдвигались по существу лишь в рамках алтайской или урало-алтайской теории; при этом привлекался материал монгольского, корейского, тунгусских и даже финно-угорских языков (см. [16, с. 54–56, 58; 39, с. 61; 40, с. 42–44; 5, с. 126]). Правда, высказывались также предположения о сложном составе самого тюркского афф. *-да/-та*, но простое объединение двух морфем-фонем (*-та* = **-t* + *-а* [4, с. 157]), без каких-либо обоснований, вряд ли может быть убедительным. Предлагаемая ниже гипотеза, как мы надеемся, лучше аргументирована – по крайней мере, в плане семантики.

Среди глаголов древнетюркского языка имеется один (правда, сложный), который содержит требуемое сочетание фонем (*t* + *a*) и в то же время обладает значением, которое увязывается с идеей локативности. Имеется в виду глагол *тақ-ыл* - "быть прикрепленным" и пр. [19, с. 536]. Условно реконструируем такое высказывание: **Эр тағ тақыл авла(йур)*⁸ (*кейик*) букв. "Человек гора прикрепился (и) охотится (на оленей)", т.е. "Человек охотится на горе".

Высказывая предположение о связи аффикса местн. падежа с глаголом *тақ-ыл*-, мы тем самым должны допустить, что формант страдательного залога появился значительно раньше показателя местн. падежа. Одно наблюдение позволяет определенным образом обосновать это предположение. В то время как многие аффиксы древнетюркской эпохи, в которых представлены *у* *з* *к* и *е* гласные (например, аффикс понудительного залога), были двухвариантными, включая в свой состав либо только губные, либо только негубные гласные, – что является достаточно ясным свидетельством их относительно позднего возникновения, – аффикс страдательного (как и возвратного, а также взаимного) залога уже в памятниках I тыс. н.э. имел четыре фонетических варианта (*ыл*-, *ил*-, *ул*-, *үл*) и, таким образом, должен быть отнесен к числу наиболее древних формантов.

Разумеется, предполагаемое преобразование глагола *тақыл* в аффикс местн. падежа с отпадением целого слога (*тақыл* → *-та*) представляется сомнительным, но одна деталь позволяет, как кажется, в значительной мере прояснить ситуацию.

А.М. Щербак пишет: "... общетюркский афф. *-да* ~ *-та* является частью сложного афф. *-дабі-табі*, образующего относительные прилагательные со значением места или времени" [10, с. 39]; см. также [40, с. 43; 19, с. 664] и др. Тесная связь афф. *-та/-да* и формосочетания *-такты/-дакы* станет понятной, если допустить, что *-тақ-*

⁷ Ср.: "Форма *оуик*, встречающаяся в приписках к сочинению Абу-Хайяна (El-Ildr. 361), по-видимому, включает в себя элемент *ок* (здесь *-иқ* (< *оқ*), поскольку он находится в непервом слове, где широкие гласные губного ряда, как известно, невозможны, исключая некоторые языки)" [38, с. 439].

⁸ Если форма наст. времени (*-йур*) была уже в употреблении, то при наличии в предложении двух и более однородных сказуемых она скорее всего входила в состав лишь последнего из них [в современных тюркских языках то же (в принципе) правило касается падежных и некоторых других аффиксов].

ы/-дақ ы есть не что иное, как тот же служебный глагол *тақ ыл* с отпавшим конечным согласным. Правомерность такого допущения покажем на приведенном выше примере, где, однако, подлежащее (*эр*) переместилось в середину предложения: "*Тағ тақ ыл эр (кейик) авла(йур)* букв. "Гора прикрепился человек (и) охотится (на оленей)".

С течением времени глагол, предшествующий имени (подлежащему), легко мог быть воспринят как глагольное определение: *тағ тақ ыл эр...* "к горе прикрепившийся (т.е. на горе находящийся) человек...". Теперь с отпадением конечного согласного (*тақ ыл* → *тақ ы*) первый слог получившегося звукосокращения был воспринят как показатель локативности (*тағта...* "на горе..."), а второй (*-қы*) – в значении "находящийся". Ж. Дени считал, что аффикс *-ki* восходит к глаголу *i* – "быть" в деепричастной форме [41, с. 960] с последующим падением корневого гласного и конечного согласного (*iken* → *-ke/-ki*). Однако эта этимология вряд ли правильна, так как древнетюркский аффикс *-кы, -ки*, судя по всему, никак не связан с глаголом "быть" (*ep-*).

Таким образом, можно думать, что аффикс *-та/-да⁹* (как и *-кы/-ки*) вычленился из более сложного сочетания *-тақ ы < тақ ыл*, которое в свою очередь представляет собой форму страдательного залога глагола *так-* "прикреплять", употреблявшуюся для обозначения местонахождения действующего лица.

5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ АФФИКСА ИСХОДНОГО ПАДЕЖА

Говоря о происхождении дательного, да, в сущности, и других падежей, мы каждый раз исходили из того общего смысла, который несет то или иное слово и который естественным образом мог трансформироваться в значение соответствующего аффикса. Этот путь отыскания этимона надежнее, чем обратный, когда анализ сводится к отысканию какого-то слова (или даже другого аффикса), "материальная оболочка" которого напоминает по звучанию этимологизируемый аффикс (чем, впрочем, сходство и ограничивается). Так, Ж. Дени усматривает связь между аффиксом исходн. падежа и словом *deng* или *tek (dek)* "количество// равный, сходный; как" [41, с. 647, 649], однако характер этой связи, если отвлечься от чисто фонемного сходства, остается неясным. Ср. также гипотезу В. Банга, сопоставившего один из вариантов исходн. падежа (*-дын, -дин*) с послелогом *адын* "другой"¹⁰.

Итак, попытаемся "материализовать" тот с м ы с л, который заложен в аффиксе исходн. падежа. Пожалуй, мы не сможем при этом пройти мимо глаголов "покинуть", "оставить" [ср. "лес покинул (и) идет (сюда)" или "лес оставив, идет", что легко, при постоянном "служебном" использовании упомянутых глаголов, переосмыслить в *лес + из*, т.е. "из леса идет"] или же глагола "возвращаться". Правда, последний глагол вызывает определенные сомнения, так как возвращаются не только откуда-либо (значение исходн. падежа), но и куда-либо (значение направит. падежа). Однако в условиях общинно-племенной жизни человек возвращался всегда к месту обитания своего племени, к своему очагу. Мест же, где он мог быть и откуда теперь возвращался, было больше (из леса, с горы, от реки, с охоты, из соседнего племени и т.п.). Таким образом, нет оснований отвергать глагол "возвращаться" как возможный (в принципе) этимон аффикса исходн. падежа, и мы можем представить себе предложения типа "Он идет (сюда), возвращаясь с горы (из леса и т.п.)" или, располагая слова в типичном для тюркского языка порядке: "Он гора возвращаясь идет (сюда)", где деепричастие "возвращаясь" (или же основа глагола "возвращаться",

⁹ Обратим внимание на то, что в несингармоническом узбекском языке единственный вариант аффикса местн. падежа содержит гласный *а* за д н е г о ряда: *-да*.

¹⁰ В этом и подобных случаях приходится признать справедливость замечания А.Н. Кононова относительно "умозрительного осмысления непонятных явлений на основании простых звуковых сопоставлений" [40, с. 82], чем, впрочем, особенно грешат сами сторонники фувизной теории.

если образование исходного падежа приходится на начальный этап становления морфологической системы тюркского праязыка) превращается вначале в служебное слово [по типу: "гора + возвр(ащааясь)" → "гора + из"], а затем – в формант исходн. падежа.

Мы не случайно достаточно подробно рассмотрели глагол *возвращаться* как возможный этимон показателя исходн. падежа. С учетом конкретного звучания аффикса этого падежа – *-дан*, *-ден/-тан*, *-тен* – мы полагаем, что именно глагол с этим значением оказался его этимоном. Претендентами на эту роль выступают: 1) глагол *тѳн* [19, с. 580] и 2) глагол *йан* [19, с. 231]. Рассмотрим последовательно оба глагола.

Глагол *тѳн*- (огуз. *дѳн*-) отличается от морфемы *-тен*; *-тан* только наличием губного гласного *ѳ* (вместо *э*). Однако известно, что, во-первых, имеется немало языков, где в аффиксе исходн. падежа представлены и губные гласные; ср. *сѳз сѳздѳн тѳѳт* "слово рождается от слова" [10, с. 68], и что, во-вторых, широкий губной гласный в большинстве языков не мог сохраниться в непервом слове (где оказался названный глагол в процессе своего превращения в аффикс). Таким образом, глагол *тѳн*- вполне мог быть этимоном аффикса исходн. падежа. Два момента порождают, однако, некоторые сомнения. Прежде всего, глагол *тѳн*- не относился, по-видимому, к числу употребительных, а между тем исходн. падеж – достояние всех тюркских языков и своим возникновением он, очевидно, обязан какому-то общетюркскому слову (к числу таковых вполне может быть отнесен глагол *йан*-). Кроме того, несколько смущает и то, что в несингармонических языках (в узбекском) единственный вариант аффикса исходного падежа включает гласный заднего ряда (*-дан* [20, с. 92]), а не переднего, который представлен в глаголе *тѳн*-(*дѳн*-).

Обратимся к глаголу *йан*-. Два последних звука этой глагольной основы не вызывают никаких вопросов, однако первый согласный *й* не совпадает с начальным согласным аффикса исходн. падежа (*т* или *д*). Тем не менее, глагол *йан*- не следует сбрасывать со счетов, поскольку согласный *й* обладает характерной особенностью: в словах тюркского происхождения этот согласный не встречался (или крайне редко встречался) в постконсонантной позиции. Таким образом, если глагол *йан*- превращался в аффикс, то на стыке именной основы и этого аффикса должны были произойти эвфонические изменения.

Возможно, было включение протетического гласного, но это было нежелательно, так как удлиняло слово на один слог. Выпадение начального согласного *й* привело бы к тому, что единственным согласным оставался *н*, интенсивно "эксплуатируемый" в составе ряда других аффиксов [родительного, винительного, инструментального, отчасти направительного (ср. *маѳан* "мне"...) падежей и проч.]. Пожалуй, наилучшим выходом из положения была замена согласного *й* каким-то другим согласным. Каким именно? Если принять во внимание "давно установленный" переход "*д* > *й*" (от орхон-енисейского периода до наших дней) [43, с. 327–28], то вполне естественно предположить, что "нежелательный" звук *й* заменился согласным *д*, т.е. вместо **(ол) таѳйан* (> *таѳ-йан) кел(йѳр)* "он идет с горы" [букв. "(он) гора возвр(ащается) приход(ит)"] стали произносить *(ол) таѳ-дан келѳр*, причем замена одного согласного другим оказывалась расподобляющей, т.е. знаменовала собой окончательное утверждение аффикса исходн. падежа (*-дан*), обретавшего полную независимость от омонимичного прежде глагола *возвращаться* (*йан*-).

Если источником образования формы исходного падежа служило также слитное деепричастие глагола *йан*- – т.е. *йан-ы* или *йан-ын* "возвращаясь"¹¹ (ср. отрицательное деепричастие: *-мат-ы* или *-мат-ын* [44, с. 41]) –, то возникший в результате процесса

¹¹ Что вполне могло быть, так как формант исходн. падежа образовался, насколько можно судить, позже других падежных аффиксов.

й > д афф. -даным мог впоследствии, упрощаясь, превратиться либо в -дан(ын) > -дан, либо в -д(ан)ын > -дын. Так, вероятно, можно объяснить появление формы исходн. падежа с узким гласным (-дын, -дин) в древнеуйгурском и некоторых других языках, хотя полной уверенности в правильности именно такого истолкования названной особенности исходн. падежа пока нет.

Во всяком случае, если происхождение аффикса исходн. падежа связано со звуко-сочетанием *йан*, то по соображениям семантического порядка это, безусловно, был глагол ("возвращаться"), а не существительное ("сторона") и, тем более, не это существительное в сочетании с аффиксом местн. падежа, как предполагал Рамстедт [40, с. 43]. Допущение А.М. Щербак, согласно которому "прототипом различных вариантов аффикса исходного падежа было деепричастие **tājīn* ~ **tājan* "сторонясь", "оставляя в стороне" [10, с. 47], следует принять во внимание, однако предпочтение, вне всяких сомнений, должно быть отдано одному из двух известных глаголов – *йан*- или *тдн*- (*ддн*-) "возвращаться" (глагол со значением *сторониться*, *оставлять в стороне* прежде всего нечетко передает основную идею исходн. падежа; да и существовал ли вообще-то такой глагол?).

Как и А.М. Щербак [10, с. 47], мы не видим никаких оснований считать, что аффикс исходн. падежа сложился из показателей двух других падежей (местн. падежа и урало-алтайского латива, местн. и орудно-творительного падежей и т.п.), тем более что из суммы значений названных падежей трудно извлечь отложительную семантику.

В заключение остановимся на форме местн. падежа, которая в тюркских рунических памятниках (ТРП) встречается в аблативном значении, что, как предполагает А.М. Щербак, отразило "очень древнее диалектное совпадение формы исходного падежа с формой местного, произошедшее вследствие утраты конечного *н*" [10, с. 47]. На наш взгляд, суть диалектных различий состояла не в утрате конечного согласного, а в том, что при возникновении показателя исходн. падежа глагол *йан* (> -дан) в одних диалектах присоединился непосредственно к именной основе, а в других – к имени с уже присоединенным показателем местн. падежа, что указывало на местонахождение субъекта [откуда он теперь возвращался (или уже возвратился)], по типу: *даг-да йан...* "на горе (был я) возвраща(ется)..." Так как такой способ выражения отложительности (зафиксированный в ТРП) очень громоздок, глагол-корень *йан* мог отбрасываться и местн. падеж приобретал, таким образом, дополнительное (аблативное) значение (что также отразили ТРП).

*

Итак, имеются достаточно серьезные основания считать, что этимологом аффикса род. падежа явилось существительное *нең* "вещь" (гипотеза Р. Шоу), аффикса дат. падежа – глагол *кбр*- "видеть" (*қара*- "смотреть" – идея К. Каримова), вин. падежа – словосочетание **ан оқ* → **ан-ық* "он именно//вот он", местн. падежа – глагол *тақ-ыл* – "прикрепляться", расчлененный в языковом сознании (после отпадения конечного *л*) на *-та* (местн. падеж) + *қы/-ки* ("находящийся"), исходного падежа – глагол *йан*- "возвращаться" (или *тдн*-/*ддн*- с тем же значением).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кононов А.Н. О генезисе тюркских аффиксальных морфем // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тез. докл. секционных заседаний. М., 1974.
2. Кононов А.Н. О фусии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971.
3. Кононов А.Н. О природе тюркской агглютинации // ВЯ. 1976. № 4.
4. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
5. Sinor D. The *-t ~ *-d local suffix in Uralic and Altaic // Hungaro-Turcica. Studies in honour of J. Németh. Бр. 1976.

6. Щербак А.М. Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках // СТ. 1974. № 1.
7. Щербак А.М. Существовал ли в тюркском праязыке дательно-направительный падеж на -к? // СТ. 1973. № 3.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
9. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
10. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.
11. Исхаков Ф.Г. Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *д* в словах *аст*, *уст*, *алд*, *арт* и т.п. // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953.
12. Благозов Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). М., 1982.
13. Shaw R.B. A sketch of the turki language as spoken in Eastern Turkistan (Kashghar and Yarkand). Calcutta, 1880.
14. Grönbech K. Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen, 1936.
15. Баскаков Н.А. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. Т. I. М., 1952.
16. Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen. В., 1836.
17. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X – XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.
18. Аракин В.Д. К истории изафета в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976.
19. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
20. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
21. Абдуллаев А.З. Развитие направительного падежа в тюркских языках // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. В., 1974.
22. Каримов К. "Кутад-у билиг" тилида келишик категорияси: Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1962.
23. Кузнецов П.И. Генезис тюркского аориста // СТ. 1980. № 6.
24. Кононов А.Н. Еще раз о генезисе тюркского аориста // СТ. 1983. № 1.
25. Грамматика алтайского языка / Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869.
26. Насилов В.М. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960.
27. Щербак А.М. Деелричагте на -а -ä (-) в тюркских языках // Вопросы грамматики. К 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М.; Л., 1960.
28. Abû-Hayyân. Kitâb al-îdrâk li-Lisân al-Atrâk / Caferoglu A. ..İstanbul, 1931.
29. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasien. Lief. 1–6. Leiden, 1951–1954.
30. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. II: Фонетика и морфология. Ч. 1: Части речи и словообразование. М., 1952.
31. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л., 1981.
32. Кузнецов П.И. Является ли строй тюркских языков изначально именным? // ВЯ. 1980. № 6.
33. Севортян Э.В. К истории падежной системы в тюркских языках // Уч. зап. Военного ин-та иностр. языков. 1948. № 6.
34. Решетов В.В. Об одном узбекском падеже // Тюркологический сборник. I. М.; Л., 1951.
35. Гаринов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.
36. Азербайев Э.Г. О фонемном составе древнеяпонского, чувашского языков и языка тюркских рунических памятников // СТ. 1983. № 1.
37. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
38. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
39. Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.
40. Рамstedt Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
41. Denj J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). P., 1921.
42. Кононов А.Н. Актуальные тюркологические заметки // СТ. 1975. № 2.
43. Дмитриев Н.К. Соответствие р/л/г/з/ж/ä/ Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I: Фонетика. М., 1955.
44. Кузнецов П.И. О происхождении аффикса глагольного отрицания -ба/-бä, -на/ñä, -ма/-mä // СТ. 1986. № 5.